

Летели лебеди над полем боя...

Отдельный моторизованный батальон особого назначения замер по команде «смирно», держа равнение на знамя. Читали приказ Верховного Главнокомандующего о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Пели птицы, жарко светило солнце, и было это в мае 1945 года примерно в тридцати километрах от Берлина...

Мы, люди моего поколения, окончившие школу в год начала войны, были полны предощущением ее. Нас готовили к тому, что она будет трудная, и фильмы вроде «Если завтра война» и «Эскадрилья № 5», далекие, как показали события, от реального положения вещей, проходили мимо нашего эмоционального сознания. Воевать мы учились у Чапаева и моряков из Кронштадта. Мы не рассчитывали на техническое превосходство над противником и готовы были к тому, что патроны придется экономить.

Я отчетливо помню день в конце декабря 1942 года на правом берегу Дона. Две стрелковые роты нашего полка при поддержке легких минометов, которыми я командовал, ночью, по непрочному льду, переправились на вражеский берег и провели разведку боем. Это была опасная, но очень умело разработанная операция, но сейчас не об этом речь. В тот день впервые за шесть долгих месяцев на передовой я увидел рядом с собой обезоруженного немецкого солдата. Пленного, добытого в разведке, драгоценного «языка». Худой, грязный, топтался он в «эрзац-валенках» под крутым речным обрывом, курил, зажав меж связанных ладоней огромную махорочную самокрутку и что-то говорил на непонятном мне языке, что никак не походило на тот «немецкий», который я изучал в школе, и это был не «фашист», не «немец», это был «фриц». И пусть происходило все в трех тысячах километров от Берлина, и рвались немецкие мины, и предстоял еще трудный и опасный путь среди белого дня по белому же снегу назад к своим, и не отвоевали мы в этом бою ни сантиметра русской земли, пусть! Но вкус победы стал лично для меня осязатим, и слова: «...Будет и на нашей улице праздник!» — звучали уже не далекой перспективой — начиналось наше мощное, запланированное движение на запад.

Для меня оно началось через несколько дней, когда Воронежский фронт перешел в наступление. И окончилось в мае 1945 года.

...На карте обозначено место, где мы должны были занять позиции, — городок Тремен. Ждем. Замполит собирает офицеров, коротко, как в рапорте, отвечает на наши безмолвные вопросы:

— Они, в основном СС, СД, нацистские функционеры, обоблаченная «Гитлерюгендом» молодежь — кадеты, юнкера, — рвутся к американцам, хотя уйти от вездехда. Прут, как саранча, смяли тылы армии, перестреляли раненых в медсанбате...

Всю ночь шел бой. Рассвело. Перед нами какое-то кошмарное месиво из танков, бронетранспортеров, санитарных машин, генеральских «мерседесов» и «хорьхов», грузовиков, мотоциклов. И

надо всем этим — цветущие яблони, стрелы каштанов, соцветия белой сирени... В тот год в Германии весна наступила рано и очень рано кончилась для наших товарищей, погибших этой ночью. Этот эпизод послужил основой для сцены в моем последнем фильме «Через все годы».

Память «монтирует» события по своим законам. И вот я вновь в 1942-м. Степь под Воронежем, жара. Сидим в дзотах, укрепление простреливается насквозь из карабина. Я командир взвода, вчерашний курсант. У меня два ручных «Дегтярева» и два станка — легендарные «Максимы». Тишина, которая вот-вот взорвется вторым летним немецким наступлением. Первый бой — как трудно в тихое июльское утро первому нажать на спусковой крючок, дать очередь и... обнаружить себя. Я помню эту очередь и все то, что за ней последовало. В картине «У твоего порога» я попытался восстановить не столько саму ситуацию, сколько психологическую суть этого первого выстрела, вызывающего неизбежный ответный огонь.

«...Как много их, друзей хороших, лежать осталось в темноте...»

И снова память возвращает меня в 1945-й. У меня, командира взвода, семь боевых машин! Семь «виллисов»-амфибий! Не беда, что нет брони, в крайнем случае можно прикрыться минометной плитой. Зато есть нечто большее — это ощущение неуязвимости страны, дома, семьи, близких — тех, кто теперь уже в глубоком тылу.

В 1966 году кинематографическая судьба свела меня с Георгием Константиновичем Жуковым. Мы снимали интервью для фильма «Если дорог тебе твой дом». Меня поразили личное обаяние и удивительная память легендарного полководца. «Ваш батальон», — сказал он мне, — подчинялся Ставке. У меня вы действовали при форсировании Одера».

Это было 23 апреля. В расчете на внезапность мы взорвали дамбы на Гогенцоллерн-канале, и таким образом Старый и Новый Одер слились в широченное озеро, за которым Зееловские высоты — последний рубеж перед Берлином. Напичканы они всем, что противнику удалось снять с Западного фронта. Тут и зенитки на прямой наводке, и морская пехота, и парашютисты, и шестиствольные реактивные минометы-«кишаки», как их называли за отвратительный, закладывающий уши вой. И вдруг... шестест крыльев, что-то незнаемое и непривычное летит над нашими головами, и нет надрывного рева моторов, нет визга падающих авиационных бомб. То стоя лебеди летела над водой. Они летели по своим, лебединым делам и не знали, что заканчивается самая кровопролитная в истории война.

До торжественного построения нашего батальона оставалось немногим более двух недель.

В. ОРДЫНСКИЙ,
народный артист РСФСР,
кинорежиссер.